

УДК 340.158

DOI 10.24147/2542-1514.2017.1(2).19-30

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ СОВЕТСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА В 30-е гг. XX в.

А.Я. Козинцев

Сургутский государственный университет, г.Сургут, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

30 января 2017 г.

Дата принятия в печать –

20 апреля 2017 г.

Дата онлайн-размещения –

20 июня 2017 г.

Статья раскрывает историю применения процессуальных норм в СССР в 30-е гг. XX в. Рассматривается общая динамика судопроизводства в СССР. Объясняются основные причины проблем, возникающих при применении гражданского и уголовного процесса.

Ключевые слова

История, правоприменение, представления начальников управлений Министерства юстиции, постановления Верховного Суда СССР, уголовно-правовая кампания, гражданский процесс, судопроизводство

PROBLEMS OF SOVIET PROCEDURAL LAW ENFORCEMENT IN 1930s

Alexander Ya. Kodintsev

Surgut State University, Surgut, Russia

Article info

Received – 2017 January 30

Accepted – 2017 April 20

Available online – 2017 June 20

The subject. Features of the organization of justice and the quality of procedural law enforcement in the USSR in the 1930s.

The purpose. The determination of historical patterns of judicial enforcement in the USSR in the 1930s and the identification of the causes of the ineffectiveness of the proceedings in this period.

Keywords

History, law enforcement, representations of the heads of departments of the Ministry of Justice, Supreme Court of the USSR decrees, criminal law campaign, civil proceedings, court procedure

Methodology. The author uses historical legal method, formal legal interpretation of statutes, the method of analysis of judicial statistics.

Results, scope of application. After the criminal law campaigns of the early 1930s the judgment in the Soviet Union was in a disturbed condition. The Soviet civil process was almost absolutely eliminated. Tens thousands materials of court cases were lost throughout the Union every year. The courts were extremely busy.

The courts used accusatory approach. The petitions of the accused were almost never solved. Prisoners were not handed copies of the indictments.

During the terror of the old evils of the judicial system worsened, the destruction of the judicial process began. The timeframe for completing cases increased. Almost half of criminal cases in case of complaint (appeal) has been revised by the higher courts. The courts again applied the simplified procedure.

At the end of the 1930s the procedural regulation of the judicial work was the duty of People's Commissariat of Justice of the USSR and of the Supreme Court of the USSR. USSR Supreme Court continued to take decisions in litigation in the plenums. The Boards of Supreme Court examines cases influencing law of practice.

The quality of judgment by the Supreme Courts of the Republics of Soviet Union in the late 1930s did not change significantly in comparison with the previous period. This was due to constant staff turnover and low level of qualification of judges. The Supreme Courts of the

Republics had no Plenum, so they could influence law of practice by the rulings of the Boards. These rulings were extremely ignorant in many republics. The low quality of staff in the regional courts led to numerous errors.

The role of statistics in assessing the quality of the judiciary increased.

One of the reasons for the ineffectiveness of the proceedings can be considered as bad organization of work of the courts. So, due to the negligence of secretaries, in some regions up to 50 % of the cases appointed for consideration were sabotaged. Low qualification of judges often led to comical or controversial resolution of cases.

Conclusions. Timid attempts of the Supreme bodies of justice to rehabilitate civil and criminal proceedings in the mid 1930s were frustrated during the campaign of the Great Terror in 1936-1938 years. The cycle of rule of law (1933-1936) was replaced by a new cycle of lawlessness. Since 1938 the authorities began to make efforts to restore normal proceedings.

The authors distinguish the following main reasons of inefficient work of judicial bodies of the USSR in 1930s: the low qualification of the judges, the dependence of courts on local and Central government, the inability to normally perform some judicial acts, not satisfactory logistical support of court activities, the noisy and senseless political campaigns, unleashed by Stalin.

1. Степень научной разработанности предмета исследования

История применения норм процессуального права в СССР является малоизученной темой. В последнее время опубликован ряд диссертаций, в которых освещаются проблемы применения процессуальных норм [1–3]. В то же время совершенно не изучена практика применения норм процесса в СССР по УПК и ГПК РСФСР 1923 г. В советское время в ряде диссертаций и монографий рассматривались отдельные проблемы процесса в 1930–1950-е гг. [4–11]. Но реальная практика применения не рассматривалась совершенно. При этом данные по процессу не носят секретного характера. Данная статья отчасти раскрывает историю применения процессуальных норм в СССР в 1930-е гг.

2. Организация судопроизводства в 1930-х гг.

После шумных уголовно-правовых кампаний начала 1930-х гг. правосудие в СССР находилось в расстроенном состоянии. Советский гражданский процесс был фактически ликвидирован. Нарком юстиции РСФСР Н.В. Крыленко под лозунгом упрощения серий приказов уничтожил процессуальные нормы. Были ликвидированы гражданские кассационные коллегии верховных и областных судов (кроме Верховного Суда СССР). С 1933 г. партийное руководство выражало недовольство низким качеством судебного следствия. За возрождение полноценного судопроизводства выступало руководство союзной юстиции, Председатель Верховного Суда

(далее – ВС) СССР А.Н. Винокуров и Прокурор СССР А.Я. Вышинский. На 46-м Пленуме ВС СССР (март 1934 г.) М.И. Васильев-Южин (заместитель председателя ВС СССР) подготовил доклад о работе надзорной тройки ВС СССР за 1933 г. Отмечалось исключительно плохое ведение предварительного следствия. Прокуратура не надзидала за следствием и утверждала безграмотные и тенденциозные обвинительные заключения. Этот материал судами не проверялся и раскрывался только в судебных заседаниях. По его словам, «указания или совсем не усваиваются, или проводятся с большим запозданием после ряда напоминаний и все-таки в извращенном виде». После Пленума многие руководители органов юстиции выступали за восстановление нормального судопроизводства, за возрождение стадии предания суда (распорядительные заседания суда). На 47-м Пленуме ВС СССР по предложению Вышинского было решено восстановить распорядительные заседания, протоколы судебных заседаний, прекратить произвольное уменьшение числа свидетелей, составлять нормальные судебные определения. По замыслу участников пленума это должно было положить начало восстановлению процесса. Впрочем, и в последующих постановлениях суды вновь обязывались восстановить судопроизводство¹.

Вышинский и Винокуров добились восстановления гражданских коллегий. Верховный Суд СССР активно боролся против упрощенчества. Например,

¹ Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. Р-9474. Оп. 1. Д. 81. Л. 5; Д. 82. Л. 115–128.

восстанавливал гражданский процесс. После возрождения гражданских коллегий ВС СССР неоднократно призывал суды соблюдать ГПК РСФСР. «Всякого рода упрощенчество в применении процессуальных норм, с целью “ускорить” разбор дела и “ускорить” работу суда, на деле вызывает волокиту последующей отменой решения... вследствие недостаточной обследованности дела» (из постановления Президиума ВС СССР). В течение нескольких лет ВС СССР последовательно боролся за восстановление подготовительных заседаний².

3. Состояние делопроизводства в судах в 1930-х гг.

В 1935 г. Комиссия советского контроля (далее – КСК) провела массовые проверки органов российской юстиции. Во всех регионах были установлены множественные процессуальные нарушения при рассмотрении дел, в том числе: повсеместное превышение сроков рассмотрения дел; массовое и беспорядочное рассмотрение дел (за один день до 60 дел); затягивание кассационных сроков рассмотрения дел; отсутствие подготовительных заседаний суда; рассмотрение дел без народных заседателей (например, в Свердловской области в 1934 г. по делам обобщественного сектора шесть народных судей вынесли без народных заседателей 8 000 решений по гражданским делам). Отменялось больше половины вынесенных приговоров. Многомесячные задержки с исполнением приговоров. Отсутствие надзора со стороны прокуратуры. Под влиянием КСК республиканские органы юстиции проводили повсеместные проверки работы региональных судебных органов³ [12; 13].

К этому списку можно добавить большое число «пропавших» (проданных, уничтоженных) дел. По всему Союзу пропадали ежегодно десятки тысяч дел. В Узбекистане в 1935 г. пропало 141 уголовное дело. В Свердловской области в народном суде Осинского района пропало 49 дел. В той же области при передаче дел от народного судьи Шульги новому судье

Осиповой недосчитались 374 дел! В 1936 г. секретарь Горячеключевского народного суда Азовско-Черноморского края В.И. Денисов продал архив суда как оберточную бумагу. Особой популярностью пользовалась Инструкция Наркомата юстиции (далее – НКЮ) РСФСР от 6 января 1925 г. «Порядок восстановления утраченных, уничтоженных или похищенных производств по судебным делам». Проходили десятилетия, полностью изменилось законодательство в сфере юстиции в СССР, а инструкция продолжала действовать⁴.

4. Качество судопроизводства в 1930-х гг.

Суды были крайне перегружены делами. Так, в РСФСР в 1934 г. один судебный участок обслуживал 45 000 человек (при нормальной норме в 20 000). Качество работы судов было низким. В РСФСР в первом полугодии 1935 г. из обжалованных приговоров нарсудов в силу оставили только 64 %, облсудов – 74,5 %. Безграмотность судей приводила к страшным последствиям. Например, в РСФСР в 1934 г. ВС РСФСР отменил и изменил 25 % обжалованных (опротестованных) приговоров к высшей мере наказания! И это только обжалованные приговоры. По таким делам приговоры выносились заочно, при грубом нарушении процессуальных правил, при необоснованной квалификации, большинство из них были построены на показаниях одного свидетеля или на самооговоре. Например, малограмотный председатель Западносибирского краевого суда В.А. Бранецкий во время проведения крупного процесса о деятельности контрреволюционной организации, просматривая материалы дела, осудил двух человек к смертной казни, не прочитав протоколы (они были приговорены судьями к лишению свободы). Просьбы осужденных об обжаловании приговора были отвергнуты, и их расстреляли. Это не помешало впоследствии В.А. Бранецкому руководить Всесоюзной правовой академией, работать в Прокуратуре СССР и возглавлять Центральное бюро бухгалтерской экспертизы⁵.

² 50-й Пленум Верховного Суда СССР (19–27 марта 1935 г.) // За социалистическую законность. 1935. № 5. С. 50–53; Постановление 55 Пленума Верховного Суда СССР от 29 июля 1936 г. // Советская юстиция. 1936. № 32. С. 20–22; Сборник действующих постановлений пленума и директивных писем Верховного Суда СССР. 1924–1944 гг. М., 1946. С. 187; ГАРФ. Ф. Р-9474. Оп. 1. Д. 81. Л. 110–111.

³ О работе судов Куйбышевского края // Советская юстиция. 1935. № 30. С. 1; Государственный архив

Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-148. Оп. 2. Д. 13. Л. 148–180.

⁴ Справочник народного судьи. М., 1946. С. 655–656; ГАРФ. Ф. Р-7511. Оп. 10. Д. 124. Л. 17; Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 120. Д. 171. Л. 145, 180.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-9474. Оп. 1. Д. 93. Л. 5–7; Ф. А-353. Оп. 16. Д. 15. Л. 1–5; ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 3. Д. 2. Л. 1–4; Центральный архив общественно-политической истории г. Москва (ЦАОПИМ). Ф. 2273. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–11.

В апреле 1936 г. А.А. Лисицын (председатель гражданской коллегии ВС РСФСР) обследовал Свердловскую область, Н.А. Торская (член того же суда) – Челябинскую область. По постановлению Президиума ВС РСФСР работа нарсудов Челябинской области была признана неудовлетворительной. Президиум отмечал, что процент прекращенных и отмененных дел народных судей в кассационных инстанциях составлял 25 % всех уголовных и 50 % гражданских. Одни судьи присуждали к лишению свободы по 70 % дел, иные по 5 %. Архивы были в беспорядке. Во время проверки работы Свердловского облсуда Лисицын выявил массу грубейших нарушений. В судах наблюдался обвинительный уклон. Ходатайства обвиняемых почти никогда не удовлетворялись. Заключение не вручали копии обвинительных заключений. Отдельные жалобы лежали без движения до 15 месяцев. Определения ВС РСФСР по освобождению из-под стражи неправильно осужденных не выполнялись «за невозможностью выяснить их местонахождение». Было потеряно много дел. В большинстве судов не было совещательных комнат, комнат для свидетелей, для вещественных доказательств, для архива. Свидетели сидели на улице, дела валялись в разных местах⁶.

На пленумах ВС СССР продолжали принимать постановления по судебной практике. Коллегии выносили определения, влияющие на судебную политику. Так, 58-й Пленум (19–23 сентября 1937 г.) вынес постановления о судебной практике по применению закона от 7 августа 1932 г. об охране социалистической собственности, по делам о незаконно произведенных абортах. 59-й Пленум (26–30 декабря) принял постановления по делам о нарушениях техники безопасности и по применению закона от 14 сентября 1937 г. (дела о контрреволюционном вредительстве). Схожие постановления и определения принимал Президиум ВС РСФСР и коллегии Суда⁷.

⁶ О результатах обследования работы судебных органов Челябинской области // Советская юстиция. 1935. № 29. С. 23–24; ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 2. Д. 16. Л. 80–161; Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. 2022. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–136; Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 14. Д. 46. Л. 1–23; Д. 507. Л. 1–72; Д. 508. Л. 1–10; Оп. 15. Д. 103. Л. 139–159; Д. 562. Л. 140–154.

⁷ Постановления Президиума Верховного суда РСФСР // Советская юстиция. 1937. № 1. С. 50;

Во время террора старые пороки системы обострились, началось разрушение судебного процесса. Увеличились сроки прохождения дел. Почти половина уголовных дел в случае их обжалования (опротестования) пересматривались вышестоящими судами. В Свердловской области в 1937 г. только 58 % приговоров и решений было оставлено в силе. В Кировской области было отменено 32 % приговоров народных судов. В Рязанской области в 1938 г. в силе было оставлено 61,3 % приговоров, в Челябинской 55,8 % и т. д. Всего в первом полугодии 1937 г. в СССР было оставлено в силе 62,8 % приговоров⁸.

Росли сроки прохождения дел в судах. В 1937 г. 22,7 % всех дел рассматривались в народных судах свыше месяца. Например, в Армении в I квартале 1937 г. свыше 1 месяца рассматривалось 15,6 % уголовных дел, а во II квартале – 30 %. В РСФСР в 1936 г. в срок до 10 дней рассматривалось 41,1 % дел, а в 1937–1938 гг. – 33–34 %. В СССР в народных судах остаток уголовных дел на 1 января 1937 г. составлял 124 754, на 1 марта 1938 г. – 246 692. В верховных судах союзных республик за этот же период количество остатков уголовных дел выросло в 2 раза. В ВС Азербайджана на 1 января 1938 г. скопилось 4 000 дел, в ВС РСФСР – 3 296. В Свердловской области на отдельных участках народных судов остатки дел достигали 1 100 единиц! В Грузии в течение 1937 г. средний остаток уголовных дел вырос с 84 до 209. В Армении остаток дел составлял 250–300 % от среднемесячного поступления. Во многих регионах остатки росли и в 1938 г. И это происходило при резком сокращении числа уголовных дел! Еще хуже дело обстояло с исполнением судебных решений. В 1930-е гг. в СССР исполнялось 5–10 % судебных решений [14].

Пытаясь разгрузиться, суды вновь применяли упрощенное судопроизводство. Игнорировали подготовительные заседания, подписывали протоколы

59 Пленум Верховного Суда Союза ССР // Социалистическая законность. 1938. № 2. С. 116–123; ГАРФ. Ф. А-428. Оп. 3. Д. 28. Л. 1–21; Д. 31. Л. 1–2; Ф. Р-9474. Оп. 1. Д. 106. Л. 1–45.

⁸ Об организации руководства народными судьями // Советская юстиция. 1938. № 6. С. 54; ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 22а. Д. 185. Л. 26; Ф. Р-9492. Оп. 1. Д. 864. Л. 43; Оп. 2. Д. 4. Л. 25, 30, 114; Д. 5. Л. 29; Ф. А-353. Оп. 13. Д. 4. Л. 1–61; ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 3. Д. 7. Л. 38.

без народных заседателей, практиковали социалистическое совместительство и т. д. В НКЮ республик были созданы бригады, разгребавшие залежи дел. В ряде судов Молдавской АССР в 1937 г. на один день назначалось по 100 дел частного обвинения, которые прекращались по пустяковым поводам. Судьи сами писали протесты на свои собственные приговоры. В нарсуде Сокольнического района (Москва) в отдельные дни на одно дело уходило 6–7 минут. Произошла деградация кассационного производства (в октябре 1937 г. состоялся актив НКЮ СССР по организации кассационной практики). Кассационные инстанции не извещали стороны о дне слушания дела. Кассационные дела зачастую не читались и даже не докладывались. Составлялись трафаретные решения и определения. Органы юстиции практически перестали рассматривать жалобы. Только в Московском облсуде и в Московском горсуде в 1938 г. скопилось по 2 000 нерассмотренных жалоб. Часть наркоматов и верховных судов перестали отвечать на любые запросы⁹.

5. Роль НКЮ СССР в регулировании судопроизводства в 1930-е гг.

В конце 1930-х гг. процессуальным регулированием судебной работы занимались НКЮ СССР и ВС СССР. Нарком юстиции не раз вносил в ВС СССР предложения о принятии того или иного постановления Пленума. Например, 16 июля 1939 г. по предложению НКЮ СССР Пленум ВС СССР принял постановление «О порядке передачи уголовных дел по подсудности из судов одной союзной республики в суды другой республики». В 1940 г. из 197 общих приказов НКЮ СССР 46 содержали прямые указания судам по порядку проведения процесса и по применению тех или иных норм. Как правило, принимались приказы по порядку рассмотрения отдельных категорий дел: трудовым преступлениям, делам о растратах и хищениях, о спекуляции, о кражах личной собственности, о преступлениях среди несовер-

шеннолетних и т. д. В том числе наркомат часто уточнял сроки рассмотрения дел по категориям преступлений (5 дней по делам о хищении и разбазаривании, 10 дней по делам о лесонарушениях, 2 недели по делам об авариях на автотранспорте, 5 дней по делам о самовольном проезде в товарных поездах и самовольной остановке поездов стоп-краном). Кроме того, регулировались и уточнялись отдельные аспекты процесса. Например, приказ № 46 от 19 июня 1939 г. определял состав подготовительных заседаний верховных / областных / краевых и специальных судов, другой приказ определял права суда при осуществлении надзора и т. д. Коллегия НКЮ СССР периодически обсуждала вопросы судебной практики и принимала по ним постановления по вопросам судебной политики. Управление судебных органов (далее – УСО) НКЮ СССР давало судам секретные и зачастую устные указания по проведению судебной политики. Иногда УСО распространяло применение уголовной ответственности на тех или иных лиц¹⁰ [15, с. 314].

Согласно положениям об Управлениях НКЮ (далее – УНКЮ) союзных республик, они контролировали соблюдение процессуальных норм (ст. 3 каждого из положений об УНКЮ). Вскоре к этому добавилось право проверять путем ревизий правильность применения народными судьями законов при рассмотрении уголовных дел с направлением их НКЮ РСФСР для опротестования (в августе они получили право направлять такие дела напрямую в ВС союзных республик). Этим правом они сразу же стали злоупотреблять. Введение такого правила означало появление в скрытой форме надзорного порядка пересмотра дел. Такого права формально административные органы юстиции не имели. Так, председатели областных судов и начальники УНКЮ предварительно рассматривали дела с вынесенным приговором и давали по ним указания¹¹ [16, с. 575; 17, с. 99].

⁹ Актив Наркомюста СССР // Советская юстиция. 1937. № 23. С. 34–40; Об организации руководства народными судьями // Советская юстиция. 1938. № 6. С. 54–55; Первое всесоюзное совещание судебно-прокурорских работников по гражданским делам // Советская юстиция. 1937. № 4. С. 10–24; Первое всесоюзное совещание судебно-прокурорских работников по гражданским делам // Социалистическая законность. 1937. № 2. С. 89–111; ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 16. Д. 77. Л. 24; Ф. Р-9492. Оп. 1.

Д. 864. Л. 33–43; Оп. 2. Д. 5. Л. 28–32; Оп. 3. Д. 8. Л. 1–20; ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 3. Д. 7. Л. 38–39; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 277. Л. 6.

¹⁰ В коллегии НКЮ СССР // Советская юстиция. 1940. № 2. С. 14–15; Сборник приказов и инструкций НКЮ СССР. Вып. 1. М., 1940. С. 65–100; Справочник народного судьи. С. 99, 141–200, 229.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 1. Д. 42. Л. 31; Д. 57. Л. 184; Д. 1535. Л. 31.

6. Отправление правосудия Верховным Судом РФ и верховными судами союзных республик

По замыслу реформаторов ВС СССР должен был сосредоточиться в основном на судебной работе. До войны (декабрь 1938 – июнь 1941 г.) Пленум ВС СССР рассмотрел 2 500 дел. Ежегодно в порядке надзора рассматривалось свыше 70 тысяч жалоб на приговоры судов. Также ВС СССР проверял по 5–6 тыс. уголовных дел ежегодно. Например, Судебно-кассационная коллегия по уголовным делам ВС СССР проводила по 130–140 заседаний ежегодно. Суд принял много важных постановлений по отдельным группам преступлений. В том числе «О судебной практике по делам о спекуляции», «О судебной практике по гражданским трудовым делам», «Об определении подсудности линейных судов дел о контрреволюционной агитации» и т. д. Принимались постановления по отдельным аспектам процесса. В том числе «О сроках погашения судимости в отношении лиц приговоренных к ИТР», «О порядке обжалования определений областных и соответствующих им судов в качестве судов 1 инстанции» и т. д. Большое значение для нижестоящих судов имели определения коллегий ВС СССР. Во многих определениях фиксировались нюансы отдельных процессуальных действий, менялась квалификация, отменялись приговоры и прекращались дела¹² [18, с. 115; 19, с. 46].

Крайне тяжелой оказалась нагрузка, выпавшая на долю ВС союзных республик. С ликвидацией президиумов в областных судах на ВС республик должен был надвинуться вал надзорных дел. Наивные надежды отдельных функционеров, что граждане и прокуроры перестанут направлять надзорные дела в суд республики из-за дальности расстояния, не оправдались. «Мы вовремя не подумали об увеличении штатов» (нарком юстиции СССР Н.М. Рычков). В сентябре 1938 г. десятки тысяч надзорных дел буквально «обрушились» на верховные суды республик. Так, в Грузии число надзорных жалоб в высшем суде выросло в 4–5 раз. Часть судей просто сбежали из суда. На 1 ноября число нерассмотренных жалоб со сроком свыше 6 месяцев в Верховном суде РСФСР составило 14 000. Ежедневно поступало 500 жалоб,

не считая протестов. Жалобы без регистрации лежали 20–25 дней, затем 2–3 месяца их изучал член ВС. ВС стал работать ночью. Официально судебные заседания проводились 20 дней в месяц. Штат ВС РСФСР был увеличен на 1939 г. всего лишь на 12 человек. Но судьи бежали, и в начале следующего года в суде работало 40 человек, вместо 64 по штату. К 1 февраля 1939 г. объем жалоб достиг 20 000! К ним добавилось 10 000 дел, пересматриваемых по советско-колхозному активу. Дела лежали на полу, на окнах. Отдельные жалобы лежали в течение года. Многие дела было невозможно найти. Судьи искали способы обойти закон. Защитников по надзорным делам перевели в общую очередь. Вынужденные сутками стоять в очередях адвокаты стали отказываться от рассмотрения надзорных дел (в конце 1939 г. по одному из приказов НКЮ СССР составление надзорной жалобы стало бесплатным). Время рассмотрения надзорных жалоб не сообщалось. Ответы жалобщику писались без мотивировки, по трафарету. И жалобщики не знали, как обжаловать такой акт¹³ [20; 21; 22, с. 57].

В феврале 1939 г. по решению Верховного Совета РСФСР штат членов Верховного Суда был увеличен до 75 единиц. Также был увеличен штат секретарей и прочих технических работников, децентрализована система выдачи справок. НКЮ СССР и НКЮ РСФСР мобилизовали в Суд 110 судей областных судов, а затем вынуждены были установить сменную работу этих судей. Несмотря на эти усилия, состав Суда не могли укомплектовать в течение всего года. Число дел росло. На 1 августа 1939 г. в ВС РСФСР лежало около 30 000 нерассмотренных надзорных дел. Наконец, к концу года удалось добиться перелома, и количество нерассмотренных жалоб стало сокращаться (из-за общего уменьшения числа надзорных жалоб в СССР)¹⁴.

Качество работы в верховных судах союзных республик в конце 1930-х гг. в сравнении с предшествующим периодом существенно не изменилось. Это было связано с постоянной кадровой текучкой и с низким уровнем квалификации судей. Верховные суды республик, не имея пленумов, могли оказывать влияние на судебную политику только через

¹² Сборник постановлений и определений коллегий ВС Союза ССР (1938 и 1 полугод. 1939 г.). М., 1940. С. 8–40; ГАРФ. Ф. Р-9494. Оп. 1. Д. 54. Л. 299.

¹³ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 13. Д. 5. Л. 195; Д. 6. Л. 29–50; Ф. Р-5446. Оп. 23а. Д. 292. Л. 1–7; Ф. Р-9492. Оп. 1. Д. 54. Л. 97; Д. 361. Л. 11, 66.

¹⁴ По материалам ревизий // Советская юстиция. 1939. № 4. С. 26–29; ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 13. Д. 34. Л. 183; Российский государственный архив Новейшей истории (РГАНИ). Ф. 6. Оп. 6. Д. 1586. Л. 1–3; Д. 606. Л. 181–184.

определения коллегий. Во многих республиках эти определения были крайне безграмотными. Например, в 1939 г. определения коллегий ВС Азербайджанской ССР не содержали мотивировок. Все дела в коллегиях рассматривались сразу, а затем судьи совещались и выносили приговор / решение. Судебно-кассационная коллегия по уголовным делам ВС Грузии, пересматривая приговоры народных судей, изобретала такие формулировки, как «кассационную жалобу частично уважить», «приговор народного судьи утвердить со следующими изменениями...». Та же коллегия путалась в правовых терминах. Вообще ВС Грузии сплошь и рядом не делал ссылок на закон. Верховный Суд Узбекистана допускал безобразную волокиту. Например, 13 декабря 1936 г. в ВС Узбекской ССР поступила жалоба И. Поттаева, осужденного 27 января 1936 г. по ст. 14, 148 и 225 УК Узбекской ССР и приговоренного к 3 годам лишения свободы. В конце 1937 г. ВС получил еще две жалобы от Поттаева. 27 января 1939 г. срок наказания истек и Поттаев был освобожден из-под стражи, а жалоба была рассмотрена в апреле 1939 г. В марте 1939 г. проверка ВС Таджикской ССР выявила плохую работу суда. Были утеряны сотни дел, судебные определения подписывал не весь состав суда, затягивались сроки рассмотрения дел, не изучалась судебная практика, не было планов работы. В мае 1941 г. НКЮ РСФСР провел ревизию судебно-кассационной коллегии по гражданским делам ВС РСФСР. Выявилось много неправильно составленных определений, не изучалась судебная практика, не проводились оперативные совещания¹⁵ [23, с. 45].

7. Отправление правосудия областными и народными судами

Несколько иначе обстояла ситуация в областных судах. С одной стороны, они избавились от надзорных дел, а с другой стороны, получили дополнительную нагрузку в виде контрреволюционных дел и дел по пересмотру приговоров по советско-колхозному активу. Низкое качество кадров областных судов привело к многочисленным ошибкам. Так, в Узбекистане областные суды проводили

процессы, не оповещая стороны, не вручая обвинительные заключения. При ревизии ВС Коми АССР было обнаружено восемь дел с неисполненными определениями ВС РСФСР за 1933–1935 гг., по которым обвиняемые подлежали освобождению. Там же пропало много дел. Член Челябинского облсуда Майский допускал в отдельных определениях до 20 орфографических ошибок (судья имел стаж работы 9 лет). Тем не менее накануне войны в областных судах восстанавливалось нормальное судопроизводство. Это явление было связано с относительной стабилизацией кадров, со снижением числа уголовных дел. Еще в I квартале 1939 г. в верховных судах союзных республик из числа опротестованных / обжалованных приговоров было отменено 38,9 % (в Узбекистане – 64,1 %, РСФСР – 40 %). Постепенно восстанавливались темпы рассмотрения дел. Так, в УССР в областных судах в I квартале 1938 г. до 10 дней рассматривалось 69,1 % всех уголовных дел, в IV квартале – 78,7 %, а в I квартале 1939 г. уже 84,6 %¹⁶ [24, с. 22].

С трудом из кризиса выбиралась система народных судов. Приказ Рычкова № 21 (1938 г.) ориентировал суды на восстановление нормального судопроизводства, что было труднодостижимо в той ситуации. Тем не менее работа по реализации приказа продолжалась полтора года. С того времени складывается следующая практика в работе судов. В течение каждого года накапливались остатки нерассмотренных дел. В конце календарного года все работники управления наркомата юстиции союзной республики и многие работники облсудов, НКЮ республик выходили на «жатву». В ходе очередной героической «расчистки» дел, сопровождавшейся массовыми нарушениями процессуального законодательства и фальсификацией отчетов, остаток дел резко снижался, и год заканчивался «удовлетворительно». Народные суды, переполненные делами и состоящие в основном из некомпетентных работников, накапливали остатки и участвовали в политических кампаниях, развязанных режимом. В итоге вся работа суда напоминала штурмовщину. Тем не ме-

¹⁵ По материалам ревизий // Советская юстиция. 1939. № 4. С. 26–29; ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 13. Д. 34. Л. 129–130; Ф. Р-9492. Оп. 1. Д. 363. Л. 40; ОГАЧО. Ф. 2022. Оп. 1. Д. 4. Л. 44, 146–147; РГАНИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 1586. Л. 1–3; Д. 606. Л. 181–184.

¹⁶ В НКЮ СССР // Советская юстиция. 1940. № 22. С. 4; Сборник приказов и инструкций НКЮ СССР.

Вып. 1. С. 133–136; ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 16. Д. 35. Л. 29–37; Д. 77. Л. 20–21, 24; Ф. Р-5446. Оп. 25а. Д. 375. Л. 100–120; Ф. Р-9492. Оп. 1. Д. 54. Л. 228; Д. 361. Л. 41–44; Оп. 1а. Д. 67. Л. 56; Оп. 2. Д. 5. Л. 121; Оп. 3. Д. 8. Л. 1–20; ОГАЧО. Ф. Р-1041. Оп. 4. Д. 6. Л. 48; Д. 8. Л. 59.

нее руководители юстиции постепенно выстраивали систему народных судов и пытались сделать ее работу более эффективной.

8. Оценка качества отправления правосудия в 1930-х гг.

По мнению П. Соломона, возросла роль статистических данных при оценке качества работы судебных органов. Он точно определил, что главными показателями, за невыполнение которых могли наказать судью, были темпы рассмотрения судебного дела, остаток дел за определенный период, процент приговоров, которые были отменены вышестоящими судами. П. Соломон прав в том, что периодически акцент делался то на том, то на другом критерии. Вначале шла борьба за снижение остатков дел, затем (в 1940 г.) упор был сделан на качестве приговоров. А в годы шумных кампаний главным стали темпы рассмотрения. Судьи стремились фальсифицировать данные, задержать их. Они опасались, что сами пострадают во время очередной кампании [25, с. 270–274].

О качестве работы судов, доставшемся в наследство от времен Большого террора, говорят следующие факты. В конце 1938 г. в РСФСР количество отмены приговоров народных судов, обжалованных в областные суды, достигало 52 %. В СССР в первом полугодии 1938 г. в силе оставалось 56,4 % приговоров народных судов, во втором – 55,4 %, в первом полугодии 1939 г. – 52,4 %, во втором – 54,8 %, в первом полугодии 1940 г. – 57,1 % (в Грузии – 69,7 %, в Узбекистане – 68,1 %, в Киргизии – 71,4 %, в Украине – 52,7 % приговоров). Нарушались сроки рассмотрения дел. Сохранялись огромные остатки нерассмотренных дел. К 1 апреля 1939 г. количество дел в народных судах СССР удалось уменьшить до 26-дневного поступления (в 2 раза меньше, чем за год до этого). Впрочем, вскоре они снова стали расти. После «разгрузок» количество остатков временно сокращалось. В народном суде Басманного района г. Москвы на 1 марта 1939 г. остаток составлял 324 дела, а через 2 месяца уже 456. Тем не менее общий объем остатков дел по СССР постепенно снижался. Так, если 1 января 1938 г. остаток по народным судам составлял 246 692 уголовных дела, то уже к 1 января 1940 г. он снизился до 107 039 (это

выше уровня 1936 г.). В 1940 г. остаток дел снова стал расти. Отдельные «стахановцы» юстиции (например, судья Петуховского района Челябинской области Сурин) разгребали эти кучи дел и добивались снижения остатков, что, впрочем, слабо влияло на общую динамику.

Приказы наркомов юстиции неоднократно обязывали судей навести порядок при рассмотрении дел, но особого эффекта не имели. Улучшение работы народных судов было связано с общим сокращением дел. Так, свердловские народные судьи в первом полугодии 1939 г. рассматривали в среднем 120 дел в месяц, во втором полугодии – 118, в первом полугодии 1940 г. – 110. В первом полугодии 1938 г. в народные суды СССР поступило 807 014 уголовных дел, а во втором полугодии 1939 г. – 781 074. Соответственно, число уголовных дел на одного народного судью в СССР снизилось с 23 до 17¹⁷.

Одной из причин неэффективности судопроизводства можно считать плохую организацию работы судов. Так, из-за небрежности секретарей в отдельных регионах срывалось до 50 % дел, назначенных к рассмотрению. В г. Ревда Свердловской области одно дело назначалось к слушанию 7 раз! Суды не отвечали на многочисленные запросы, несвоевременно посылали данные. Сами судьи, по воспоминаниям начальника отдела народных судов НКЮ СССР М. Гречухи, «творчески» подходили к разрешению судебных дел [26, с. 19–20]. Они, как правило, проводили ускоренную процедуру. Московские народные судьи в день рассматривали от 25 до 45 дел! В судах Свердловской области судьи не разъясняли подсудимому его права, не подписывали документы, не давали возможности обжаловать дело, перечеркивали, подчищали приговор или делали вставки и при этом никак их не оговаривали. С помощью таких и подобных им мер судьи «организовывали» процесс. Надо отметить, что накануне войны НКЮ не предпринял никаких мер по организации судебного процесса, который, как и прежде, оставался на полное усмотрение хозяина участка – народного судьи.

Низкая квалификация судей зачастую приводила к анекдотичным или скандальным случаям при разрешении дел. Народный судья одного из участков Свердловской области, обращаясь к обвиняе-

¹⁷ В НКЮ СССР // Советская юстиция. 1940. № 22. С. 4; Заметки ревизора // Советская юстиция. 1941. № 1. С. 17; Сборник приказов и инструкций НКЮ СССР. Вып. 1. С. 133–136; ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 16. Д. 35. Л. 29–37; Д. 77. Л. 20–21, 24; Ф. Р-5446.

Оп. 25а. Д. 375. Л. 100–120; Ф. Р-9492. Оп. 1. Д. 54. Л. 228; Д. 361. Л. 41–44; Оп. 1а. Д. 67. Л. 56; Оп. 2. Д. 5. Л. 121; Оп. 3. Д. 8. Л. 1–20; ОГАЧО. Ф. Р-1041. Оп. 4. Д. 2. Л. 172–174; Д. 8. Л. 70–72; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 285. Л. 3, 7–81.

тому, спросил его: «Ну что, понравилось, опять засыпался?» В другом случае судья допускал такие обороты, как «в силу неясности статьи 82 УК» или «подвергнуть лицо лишению свободы на 1 год, сроком на полтора года». Судьи употребляли в судебных документах нецензурные выражения, рисовали рисунки, часто не произносили обязательные формулы. Простодушный судья И.В. Евсиков (Челябинская область) говорил осужденным, что он дал бы меньшую меру наказания, но нельзя, такова политика партии. Народный судья Ваганов (4-й участок Кировского района г. Челябинска) работал неспешно. Не читал письма, не убирал дела. Ревизор привел все дела в порядок, а через месяц вновь царил хаос. Исчезло 238 дел. Сотни рассмотренных дел валялись без подписанных решений¹⁸ [27, с. 2; 28, с. 55, 64].

9. Судебная статистика в конце 1930-х гг.

Во второй половине 1940 г. во время бурных политических кампаний статистика эффективности судебных органов резко улучшилась. При этом рост числа дел был многократным! Работники наркоматов юстиции гордились достигнутым результатом. На самом деле это была очередная игра с цифрами. Лихорадочно рассматривая миллионы дел во время кампаний, народные судьи тратили на рассмотрение каждого из них небольшое количество времени. Зато улучшались общие показатели по рассмотрению дел вообще. Также сокращались процент остатков дел и процент приговоров, пересмотренных вышестоящими судами. На самом деле все обычные дела вне политических кампаний лежали без движения по полгода и более. Качество их рассмотрения еще упало ниже. Количество остатков увеличилось.

Например, в Челябинской области количество уголовных дел во втором полугодии 1940 г. в сравнении с первым выросло в 8,9 раза! Нагрузка на 1-й участок народного суда возросла в 2 раза (в Свердловской области в 1,9 раза). В Ровенской области Украины число дел на одного народного судью выросло с 18 в январе до 97 в декабре 1940 г. Всего в РСФСР во втором полугодии число уголовных дел возросло в 5,8 раза. Средняя нагрузка народного судьи увеличилась в 1,6 раза. В народных судах

Москвы на участок приходилось 302 дела в месяц, в Свердловской области – 217, в Челябинской области – 224, в народном суде 3-го участка г. Кизел Молотовской области – 575 дел! Остаток уголовных дел по РСФСР составил на 1 января 1941 г. 117 218 (полгода назад 81 337). И даже отчаянная кампания по разгрузке в декабре 1940 г. не помогла¹⁹ [15, с. 283–284; 27, с. 2].

В 1939 – первой половине 1940 г. почти не увеличилось количество возбужденных, расследованных, рассмотренных дел. Росло качество судебных приговоров. Смягчался общий характер репрессий. По данным М.В. Кожевникова, по сравнению с первым полугодием 1933 г. число осужденных в РСФСР и в УССР снизилось в 2 раза, в БССР – в 3 раза. В 1937 г. народные суды СССР осудили 685 835 человек, в 1938 г. – 659 235, в 1939 г. – 684 022, в 1940 г. – 1 824 180 (без указа 26-6 – 826 039), в 1941 г. – 2 433 234 (908 465). Таким образом, общее количество осужденных даже без указа о трудовых преступлениях в 1940 и 1941 гг. резко выросло. Выросло количество лиц, осужденных за хищение государственного и общественного имущества, за кражу личной собственности, за уклонение от налогов, за лесные порубки, за должностные преступления. Увеличилось количество контрреволюционных дел, рассмотренных областными, верховными судами и военными трибуналами. Доля лиц, осужденных к лишению свободы, увеличилась с 37,8 % в 1938 г. до 64,7 % в 1941 г. До 2 лет лишения свободы было осуждено 21,2 % человек в 1937 г. и до 74,9 % в 1940 г. Доля условно осужденных уменьшилась и составила в 1941 г. 3,3 %²⁰ [15, с. 283–284].

10. Выводы

Робкие попытки высших органов юстиции по восстановлению процесса в середине 1930-х гг. были сорваны во время кампании Большого террора в 1936–1938 гг. Цикл законности (1933–1936 гг.) сменился новым циклом беззакония. С 1938 г. органы власти стали прилагать усилия по восстановлению нормального судопроизводства. Мероприятия наркоматов юстиции по улучшению работы и повышению качества работы судов в СССР в конце 1930-х гг. были сорваны во время проведения новых политических кампаний 1940–1941 гг. Можно выделить

¹⁸ Сборник приказов и инструкций НКЮ СССР. Вып. 1. С. 133–136; ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 16. Д. 35. Л. 29–37; ОГАЧО. Ф. Р-1041. Оп. 1. Д. 3. Л. 141–142; Оп. 4. Д. 8. Л. 64, 66; ЦДОСО. Ф. 2113. Оп. 1. Д. 30. Л. 19–21.

¹⁹ ГАРФ. Ф. А-363. Оп. 16. Д. 20. Л. 7–9; Ф. А-353. Оп. 16. Д. 35. Л. 29–37.

²⁰ ГАРФ. Ф. А-363. Оп. 16. Д. 20. Л. 7–9.

следующие основные причины неэффективности работы судебных органов СССР: низкая квалификация судей, зависимость судов от местных и центральных органов власти, невозможность нормально исполнить часть судебных актов, неудовлетворительное материально-бытовое обеспечение деятельности судов, шумные и бессмысленные политические кампании, развязываемые Сталиным. Таков далеко не полный перечень проблем органов юстиции в СССР.

Суды рассматривали значительное число дел с большими нарушениями процессуальных сроков. Как правило, не проводились подготовительные заседания, дела часто рассматривались без народных

заседателей. Существовал разноречивый при проведении судебной политики. Приговоры / решения исполнялись с многомесячными задержками. Тысячи дел пропадали, уничтожались. Часто неправильно определялась квалификация. Составлялись трафаретные приговоры и определения. Большинство приговоров было построено на показаниях одного свидетеля или самооговоре. Ходатайства обвиняемых почти никогда не удовлетворялись. Заключенным не вручали копии актов. Нередко проводились процессы без оповещения сторон, не разъясняли права, не давали возможности обжаловать дело.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грищенко И.А. Законодательство об уголовном судопроизводстве по преступлениям против советской власти и его реализация в период наиболее масштабных политических репрессий в СССР (1934–1941 гг.): дис. ... канд. юрид. наук / И.А. Грищенко. – Краснодар, 2007. – 223 с.
2. Губжокова Л.А. Уголовно-политические процессы в период укрепления административно-командной системы советского государства (1929–1934 гг.): дис. ... канд. юрид. наук / Л.А. Губжокова. – Краснодар, 2007. – 233 с.
3. Соколова Н.В. Этапы становления процессуального права России: с 1917 года по настоящее время: дис. ... канд. юрид. наук / Н.В. Соколова. – Владимир, 2007. – 180 с.
4. Арсеньев Б.Я. Гарантия прав личности в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Б.Я. Арсеньев. – М., 1947. – 15 с.
5. Кобликов А.С. Судебное следствие в советском военном трибунале: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.С. Кобликов. – М., 1954. – 16 с.
6. Левин Н. Защита в советском уголовном процессе (в формальном смысле): дис. ... канд. юрид. наук / Н. Левин. – Л., 1946. – 573 с.
7. Мартинович И.И. Развитие суда и уголовно-процессуальных форм судебной деятельности в Белорусской ССР (1917–1967 гг.): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / И.И. Мартинович. – Минск, 1968. – 32 с.
8. Перлов И.Д. Судебное разбирательство в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / И.Д. Перлов. – М., 1956. – 35 с.
9. Советское право в период Великой Отечественной войны: в 2 ч. / под ред. И.Т. Голякова. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. – Ч. 2: Уголовное право – Уголовный процесс. – 214 с.
10. Чельцов-Бебутов М. Очерк истории советского уголовного процесса / М. Чельцов-Бебутов. – М., 1948. – 40 с.
11. Хутиз М.Х. Общие положения гражданского процесса. Историко-правовое исследование / М.Х. Хутиз. – М., 1979. – 112 с.
12. Иодковский Д. Больше внимания народным судьям / Д. Иодковский // Власть Советов. – 1936. – № 6. – С. 23–24.
13. Лаговьер Н. Вредное упрощенчество в следственной и судебной работе / Н. Лаговьер // Советская юстиция. – 1934. – № 10. – С. 7–8.
14. Козинцев А.Я. Управление системой судебного исполнения в СССР в 30-х годах XX века / А.Я. Козинцев // Исполнительное право. – 2007. – № 2. – С. 2–6.
15. Кожевников М.В. История советского суда. 1917–1956 гг. / М.В. Кожевников. – М., 1957. – 383 с.
16. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры, 1917–1954 гг.: сб. док. / сост. Л.Н. Гусев; под ред. С.А. Голунского. – М.: Госюриздат, 1955. – 635 с.
17. Шаламов М. Судебное устройство Казахстана / М. Шаламов. – М., 1941. – 100 с.

18. Ефанов А.А. Пленум Верховного Суда СССР / А.А. Ефанов // Высший судебный орган СССР. – М., 1984. – С. 111–114.
19. Смоленцев Е.А. Верховный Суд Союза ССР и Верховные суды союзных республик / Е.А. Смоленцев // Высший судебный орган СССР. – М., 1984. – С. 42–53.
20. Кузнецов. В Верховном Суде РСФСР неблагополучно / Кузнецов // Советская юстиция. – 1939. – № 2. – С. 58–59.
21. Спектор Э. В Верховном Суде РСФСР по-прежнему неблагополучно / Э. Спектор // Советская юстиция. – 1939. – № 9. – С. 55–56.
22. Либерман А. Темпы работы Верховного Суда РСФСР / А. Либерман // Советская юстиция. – 1939. – № 12.
23. Гаврилин М. Волокита и бюрократизм в судах УзбССР / М. Гаврилин // Советская юстиция. – 1939. – № 9.
24. Данишевский А. Как работают НКЮ и судебные органы Украинской ССР / А. Данишевский // Советская юстиция. – 1939. – № 14. – С. 22.
25. Соломон П. Советская юстиция при Сталине / П. Соломон. – М.: РОССПЭН, 1998. – 464 с.
26. Гречуха М. Моя работа народным судьей / М. Гречуха. – М., 1940. – 52 с.
27. Горшенин К. Итоги всероссийского совещания руководящих работников органов юстиции / К. Горшенин // Советская юстиция. – 1941. – № 22.
28. Настюк М.И. Образование советских судебных органов в западных областях УССР (1939–1941 гг.) / М.И. Настюк // Проблемы правоведения: Респ. Межведомст. науч. сб. – Вып. 36. – Киев: Вища школа, 1977. – С. 101–107.

REFERENCES

1. Grischenko I.A. *Legislation on criminal proceedings in crimes against Soviet power and its implementation during the period of the most large-scale political repressions in the USSR (1934-1941)*, Cand. Diss. Krasnodar, 2007. 223 p. (In Russ.).
2. Gubzhokova L.A. *Criminal and political processes during the strengthening of the AKS of the Soviet state (1929-1934)*, Cand. Diss. Krasnodar, 2007. 233 p. (In Russ.).
3. Sokolova N.V. *Stages of the formation of the procedural law of Russia: from 1917 to the present time*, Cand. Diss. Vladimir, 2007. 180 p. (In Russ.).
4. Arseniev B.Ya. *Guarantee of individual rights in the Soviet criminal trial*, Doct. Diss. Thesis. Moscow, 1947. 15 p. (In Russ.).
5. Koblikov A.S. *The judicial investigation in the Soviet military tribunal*, Cand. Diss. Thesis. Moscow, 1954. 16 p. (In Russ.).
6. Levin N. *Defense in the Soviet criminal trial (in the formal sense)*, Cand. Diss. Leningrad, 1946. (In Russ.).
7. Martinovich I.I. *Development of the court and criminal procedural forms of judicial activity in the Byelorussian SSR (1917-1967)*, Doct. Diss. Thesis. Minsk, 1968. 32 p. (In Russ.).
8. Perlov I.D. *Trial in the Soviet criminal trial*, Doct. Diss. Thesis. Moscow, 1956. 35 p. (In Russ.).
9. Golyakov I.T. (ed.). *Soviet law during the Great Patriotic War*, in 2 parts. Moscow, 1948. Pt. 2. 214 p. (In Russ.).
10. Cheltsov-Bebutov M. *Essay on the history of the Soviet criminal process*. Moscow, 1948. 40 p. (In Russ.).
11. Khutyz M.H. *General provisions of the civil process. Historical and legal essay*. Moscow, 1979. 112 p. (In Russ.).
12. Iodkovskiy D. More attention to people's judges. *Vlast' Sovetov*, 1936, no. 6, pp. 23–24. (In Russ.).
13. Lagovier N. Harmful simplification in investigative and judicial work. *Sovetskaya yustitsiya*, 1934, no. 10, pp. 7–8. (In Russ.).
14. Kodintsev A.Ya. Control system of judicial execution in the USSR in 30s of XX century. *Ispolnitel'noe pravo = Executory Law*, 2007, no. 2, pp. 2–6. (In Russ.).
15. Kozhevnikov M.V. *History of the Soviet court*. Moscow, 1957. 383 p. (In Russ.).

16. Golunskiy S.A. (ed.). *History of the legislation of the USSR and RSFSR on criminal trial and the organization of court and prosecutor's office, 1917-1954*, Collection of documents. Moscow, Gosyurizdar Publ., 1955. 635 p. (In Russ.).
17. Shalamov M. *The judicial system of Kazakhstan*. Moscow, 1941. 100 p. (In Russ.).
18. Efanov A.A. Plenum of the Supreme Council of the USSR, in: *Vysshiy sudebnyi organ SSSR*. Moscow, 1984, pp. 111–124. (In Russ.).
19. Smolentsev E.A. Supreme Court of the USSR and Supreme Courts of Union Republics, in: *Vysshiy sudebnyi organ SSSR*. Moscow, 1984, pp. 42–53. (In Russ.).
20. Kuznetsov. In the Supreme Court of the RSFSR is unfavorable. *Sovetskaya yustitsiya*, 1939, no. 2, pp. 58–59. (In Russ.).
21. Spektor E. In the Supreme Court of the RSFSR is still unfavorable. *Sovetskaya yustitsiya*, 1939, no. 9, pp. 55–56. (In Russ.).
22. Lieberman A. The pace of work of the Supreme Court of the RSFSR. *Sovetskaya yustitsiya*, 1939, no. 12. (In Russ.).
23. Gavrilin M. Volokit and bureaucracy in the courts of the Uzbek SSR. *Sovetskaya yustitsiya*, 1939, no. 9. (In Russ.).
24. Danishevskiy A. How do the NKYu and the judicial bodies of the Ukrainian SSR. *Sovetskaya yustitsiya*, 1939, no. 14. (In Russ.).
25. Solomon P. *Soviet Justice under Stalin*. Moscow, POSSPEN Publ., 1998. 464 p. (In Russ.).
26. Grechukha M. *My work is the people's judge*. Moscow, 1940. 52 p. (In Russ.).
27. Gorshenin K. Results of the All-Russian Conference of Leaders of Justice Authorities. *Sovetskaya yustitsiya*, 1941, no. 22. (In Russ.).
28. Nastyuk M.I. Formation of Soviet judicial bodies in the western regions of the Ukrainian SSR (1939-1941), in: *Problemy pravovedeniya*, The Republican interdepartmental scientific collection, Iss. 36. Kyiv, Vishcha shkola Publ., 1977, pp. 101–107. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кодинцев Александр Яковлевич – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права
Сургутский государственный университет
628412, Россия, г. Сургут, ул. Ленина, 1
e-mail: Balsak1@yandex.ru
SPIN-код: 9315-3825; AuthorID: 679446

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Alexander Ya. Kodintsev – Doctor of Law, Professor, Department of Theory and History of State and Law
Surgut State University
1, Lenina ul., Surgut, 628412, Russia
e-mail: Balsak1@yandex.ru
SPIN-code: 9315-3825; AuthorID: 679446

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Кодинцев А.Я. Проблемы применения советского процессуального права в 30-е гг. XX в. / А.Я. Кодинцев // *Правоприменение*. – 2017. – Т. 1, № 2. – С. 19–30. – DOI : 10.24147/2542-1514.2017.1(2).19-30.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kodintsev A.Ya. Problems of Soviet procedural law enforcement in 1930s. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2017, vol. 1, no. 2, pp. 19–30. DOI: 10.24147/2542-1514.2017.1(2).19-30. (In Russ.).